

РАЗНОВИДНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОГОВОРОК

Всеволод ЧЕРНЕЛЕВ*Кафедра русской филологии*

În acest articol, pentru prima dată în istoria folclorică, este prezentată clasificarea intraspecifică a zicătorilor contemporane. Deși în calitate de material de bază au fost folosite în exclusivitate zicătorile rusești, acest fapt nu împiedică aplicarea rezultatelor studiului la oricare alt fond național de zicători.

For the first time in the history of folklore an intra-specific classification of contemporary sayings is presented in this article. Although Russian proverbs were exclusively used as the basic material, this fact by no means interferes with the application of the study's results to any national fund of sayings.

Поговорка как вид современного фольклора, особенно последние ее модификации, развивается не менее бурно, чем бивелеризм. Единственной преградой на пути ее *адекватной* идентификации был и остается формалистический и описательный подход в исследовании. Поговорки (ПГ) традиционно рассматривались как тексты, состоящие из каких-то букв, слогов, каких-то слов и даже образов, но никогда – как живые субстанции: объекты, способные к рождению, росту, размножению и нередко – что характерно для данного вида – к умиранию (частичному – в виде *криоконсервации*, и полному – в устном бытовании). Существенный момент жизни (СМЖ) проявился конкретно в наличии у ПГ многочисленных родичей: на *с и н хроническом* уровне – *братьев и сестер* (вариантов и версий), на *д и а хроническом* – *предков и потомков* (древних источников как фольклорного, так и литературного происхождения, и гибридов-мутантов, сконтаминированных из разномастных фрагментов). Ошибка исследователей – в том, что к изучению ПГ они подходят лишь с позиций синхронии и не в общемировом масштабе, а на уровне современной цивилизации (в лучшем случае истоки упираются в XVIII в.), тогда как без знания – отчасти, может быть, гипотетического – о происхождении и развитии нельзя понять сущность явлений и объективно судить о предмете.

О нахлесте пословицы на поговорку известно еще со времен В.И. Даля. Эта узловая проблема почти полтора века служила камнем преткновения и препятствовала дивергенции всех прочих малых жанров русской паремии. Только разграничение самых крупных видов позволяет охватить всю систему в целом. Такая операция была проведена нами еще в 1991 году (в 1998 весь состав русских паремий был дифференцирован и насчитывал, как минимум, 27 видов и разновидностей) [13;14]. Тем не менее, по-прежнему упорно все паремии скопом именуется *пословицами*, а их фривольно-эпатажные отпочкования по обе стороны океана названы *антипословицами* [1;16-17]. Почему же *анти...*? Разве они противостоят, противоречат коренным ПС? Вовсе нет, они отнюдь не «смысловые антиподы», а на ½ пасынки (субкультура – не антикультура): последние (*по-братски*, генетически), используя структуру и идею первых (*архетипов*), по-родственному попросту паразитируют на них (по большей части *для прикола*).

Рассмотрим ПГ в хронологическом порядке на русском материале, по мере поступления в национальный репертуар (результаты могут быть экстраполированы на другие современные языки применительно к любому этническому корпусу ПГ). Для простоты картины разобьем их на 2 группы: а) классические поговорки (или старинные, традиционные) и б) трансформы (современные, эксклюзивные).

I. ПГ классические

Благословен Господь, содеавший все нужное
нетрудным, а все трудное ненужным.

Григорий Сковорода

Если пословицы (ПС) принято считать «опытной мудростью», «осколочной философией», в к-рой образно зафиксированы этические заповеди и физические либо биологические законы, то ПГ – «апокриф» по отношению к ПС, производна от нее (переделка, пародия, существенно сужающая возможности ее

актуализации): *‘Каков хан, такова и орда’* (от др.-рим. *‘Qualis rex, talis grex’* – «Каков царь, таковы и подданные»); → *‘Каков поп, таков и приход’* (ПС) → *‘Каков пан, таков на нем и жупан’*, *‘Каков Пахом, такова и шапка на нем’*, *‘Каков Савва, такова ему и слава’* (ПГ).

1. Собственно ПГ

Не учи ученого хлеба есть печеного!

Возникли в период максимальной кристаллизации и декоративизации языка (ко втор. пол. XIX в.). СПГ – сугубо национальные образования, не поддающиеся пересадке на чужую почву (т. е. переводу) без ущерба для их художественных достоинств, а порой – и для смысла. По степени обобщения ситуации СПГ соотносятся с ПС как закономерность частного случая и закономерность правила (закон): *‘Залетела ворона в боярские хоромы’* → *‘Старый ворон зря не каркнет’*. СПГ от ПС легко отличить по внешним признакам – индикаторам: наличию имен собственных (ИС, см. п.2), по «ладу и складу» – рифме, аллитерации и проч., т. е. эвфонии: *‘На брюхе-то шелк, а в брюхе-то – целк’*, по образам и реалиям: *‘Ладил мужичок челночок, да свел на ухавертку’*, экспрессивности: *‘С разбегу – мордой об телегу!’*, сатирической характеристике: *‘Модная – 3 дня сидит голодная’*, по некодифицированному языку: *‘Наша невестка все трескат’* и по ряду иных параметров.

2. Ономастические ПГ

Пиши короче, ты не Гоголь!

ПГ, как правило, эндемичны (узкоареальны) и экзотичны (безэквивалентны), насквозь пропитаны национальным («туземным») колоритом, и вся эстетика их зиждется на этническом своеобразии. В частности, образы и реалии в ПГ любят выступать под видом ИС. Вследствие этого ономастика – яркий и верный признак того, что ПГ «натурализовалась». Ономастические поговорки (ОП) представлены 2-мя основными видами: а) использующими топонимику и отражающими памятные вехи отечественной истории (*‘Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!’*) и б) использующими антропонимику, дающую оценку (часто сатирическую) какому-л. лицу либо его действиям (*‘Голодному Федоту и репа в охоту’*, *‘Наша Дунька не брезгунька, жрет и мед’*).

Некоторые ОП обладают смешанной ономастикой: либо топонимы в них служат оценке лица, а не места (*‘Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу’*), либо, наоборот, антропонимы в них служат оценке не лиц, а событий (*‘Пропал как швед под Полтавой’*).

Стоит ли акцентировать внимание на том обстоятельстве, что ОП практически непереводимы на другие языки? Если угодно, можете попробовать, например, перевести на английский *‘Насилу Ненилу свалили в могилу’* или *‘А у нас на Рязани и свинья в сарафане!’*.

3. ПГ-прибаутки

*Где чихнулось – запятая, где икнулось – двоеточие,
где табаку понюхать – точка*

ПП – развернутый вид ПГ, представляющий собой высказывание в духе народного балагурства, в стиле масленичных дедов («балконных комиков») – ярмарочных зазывал и мастеров по части потешной рекламы (самопрезентации). Призванные скрасить досуг, украсить («сдобрить») речь, они являются типичным образчиком декоративного суесловия. Обладают 3-х’частной (*‘Первая чарка колом, 2-я – соколом, 3-я – мелкими пташками’*) и 4-х’частной (*‘Флаг тебе в руки, ветер в спину, 3 пера в задницу и паровоз навстречу!’*) структурой, иногда превращаясь в псевдосюжетную картинку *a la* русский лубок (нередко с «картинками»: *‘Пальцы веером, губы шифером, сопли пузырями, а на ногах дульки!’*). Так же, как и др. поговорки, ПП отличаются развитой рифмовкой и едкой сатира (*‘За матьерью, за отцом и свинья идет молодцом, да как идет – кверху нос дерет!’*).

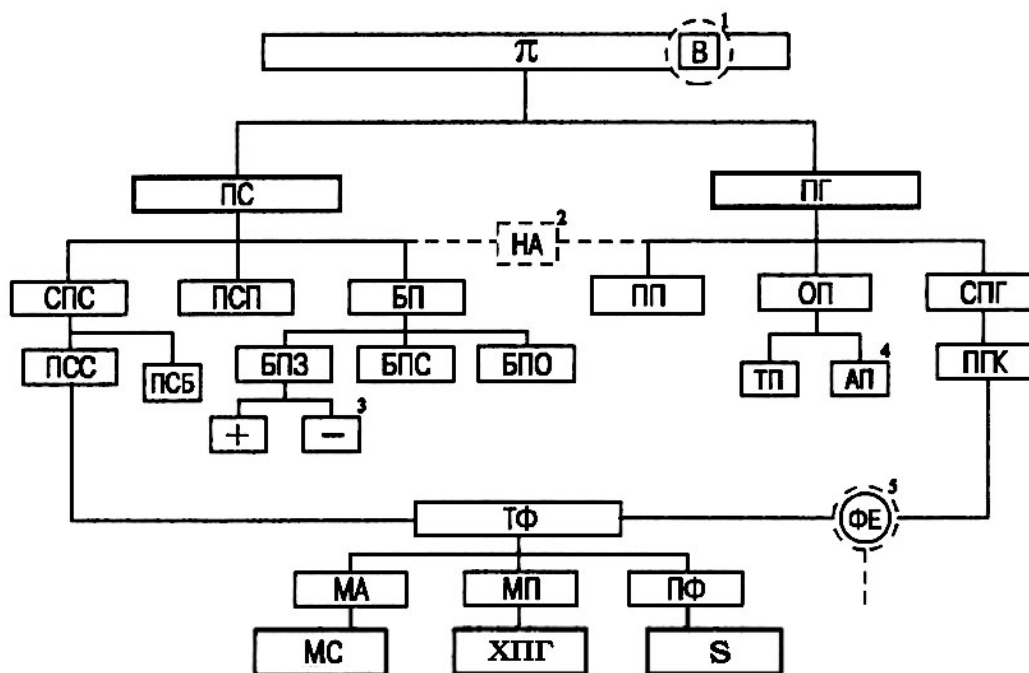
4. ПГ-компаративы

Сказал как узлом завязал

Внутри класса собственно ПГ находится большая, исключительно богатая по части образов и не уступающая по объему даже итальянским (насчитывающим более 900 ед.) группа ПГ-ных сравнений – так наз. ПГ-компаративов (ПГК). Нетрудно обнаружить, что наиболее распространенным является тип ПГК, основанный на сопоставлении с животными и – реже – с растениями ('Глух как тетерев'; 'Тош как хвош'). Однако все параллели с культурной фауной и флорой, несмотря на внешнее проявление качеств сближения, почти всегда подразумевают в ПГК внутреннее содержание перенесенного объекта, поэтому важна его моральная, оценочная подкладка ('Надулся как мышь на крупу'; 'Надоел как горькая редька').

ПГК обычно подчеркивает какой-нибудь яркий отличительный признак изображаемого, определяющий характеристику объекта в целом, но случаются и разветвления, раскрывающие несколько качеств субъекта действия: 'Блудлив как кошка, а труслив как заяц', либо 'Пил как лошадь, а надрался как свинья' – и тогда перед нами полновесная СПГ.

Русские ПС и ПГ: дифференциальная схема развития и взаимодействия

- На схеме: 1 **В** – Библия как первоисточник.
 2 Стык, переходная форма между ПС и ПГ, - так наз. *народный афоризм*
 3 Заветы (*льзя*) и запреты (*нельзя*).
 4 Топонимические и антропонимические ПГ.
 5 «Утечка» паремий во фразеологический фонд.

II. Трансформы

Неправо изъясняющим богомудрые изречения – анафема!

Из византийского анафемствования XI в.

На всем протяжении истории культуры человеком изобреталась масса как генетических, так и поэтических химер. В итоге современный паремийный репертуар представляет собой живописную разношерстную картину. Мы наблюдаем появление новых видов путем гибридизации (комбинирова-

ния, контаминации) – слияния старых форм с новыми (не без озорства и хулиганства) на стыке народного (фольклорного) и авторского (книжного) начал в любых (законченных, полных либо частичных, фрагментарных) сочетаниях. Если ПГ – *апокриф* по отношению к ПС, то ТФ по отношению к ПГ – уже чистой воды *ересь*. Следует иметь в виду, что народное сознание растет в направлении от общинного (коллективного) к «самостному» (индивидуальному), от эпоса (пафоса) к лирике (смеху и юмору). Этот процесс в каждом частном случае является конкретным подтверждением и выражением общего закона о переходе *однородных* явлений в *разнородные*.

Позволим себе еще одно важное наблюдение. Если комическое, как утверждают теоретики фольклора, завершает эволюцию народного рационализма, то следует признать, что на заключительной стадии культурного развития все без исключения виды и жанры устного творчества претерпевают некую гротескно-шутовскую метаморфозу. И если Кун-цзы в глубокой древности призывал «родивших мысль» проверять ее на прочность, подвергая осмеянию, то в наше время, как показывает паремийный опыт, мысль сразу же рождается смешливой, пародийной и передразнивающей самое себя. Переделки коснулись даже палиндромов – из классического текста «Аргентина манит негра» (Н.Булгаков) уродились: *'Аргентина барабанит негра'*; *'Аргентина ритмом тиранит негра'*; *'Аргентина – мачо: хохоча, манит негра'*; *'Аргентина-мучача на чачу манит негра'* и проч.

1. Парафразы

Как хороши, как свежи были розы!

Язык как средство общения находится в непрерывном движении, и генератором (а также творческой лабораторией) является живая речь, или, выражаясь по-фольклорному, живое бытование. Посредством метатезы (перестановки) и обыгрывания звуков, букв, слогов, отдельных слов и фраз возникают комические парафразы (ПФ), каламбуры, «ашипки и очепятки».

В общем потоке подобных мутаций, травестий и трансформаций выделяются клишированные изречения как устного, так и книжного происхождения, к-рые чаще всего обыграны и фольклоризованы на уровне: а) **лексики** ('Квазиморда'; 'Нервотряпка'; 'Мужеловка'; 'Шансовнетка'; 'Бизнесушка'; 'Шахермахерезада'; 'ГолоLADYца' etc.); б) **фразеологии** ('ОМОНа Лиза'; 'Мадам БАРТЕРфляй'; 'Сифилиса Прекрасная'; 'Девочка с перьями'; 'Девушка на шару'; 'Угарна дивчина'; 'ИнфуZORILE тувелька' etc.) и с) **паремии** ('Человек познается в еде', 'Друзья познаются в беде'. 'Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью', 'Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью', 'Куда ни кинь – всюду клип', 'Куда ни кинь – всюду клан', 'Куда ни кинь – всюду «блин!»' etc.).

Следует отметить, что парафраз и трансмутация затронули повально весь общемировой процесс. «...Мы отнюдь не одиноки в этом смеховом мире и смеховом море», – резюмирует В.М.Мокиенко [1, с.7]¹, что подтверждается в том числе и американскими примерами ('Dove is Blind'; 'No body is perfect'; 'Dime is money'; 'Time is honey'; 'Pleasure before business' etc. [16-17]).

2. Миксантропизмы

У нас все делается через задницу. Кроме клизмы
А.Кнышев

Перманентный бунт здоровых творческих сил против ветхих отживших норм и кондовых, приевшихся форм, против любых авторитетов и стереотипов всегда приобретал на Руси особо острый характер. Отсюда – демифологизация популярных сюжетов (чаще всего – в анекдотах), дегероизация легендарных образов, ставших национальными символами.

Не избегли этой участи и паремии. Миксы (МА) мы выделяем по аналогии с мифическими существами – полулюдьми-полуживотными: сфинксами, кентаврами, сатирами, сиренами, русалками и прочими антропо-зооморфными персонажами (отголосок тотемных верований). Несмотря на явную, с

¹ Либо Х.Вальтер, либо как Ильф и Петров, оба наперебой: вступит. ст. не подписана.

точки зрения биологической науки, абсурдность их существования, они весьма живучи в поэтическом сознании².

В МА все дуалистично и амбивалентно: связь непечатного фольклора с изящной литературной словесностью, известного (*Tema*) с неведомым (*Rema*), традиционного с креативным, салонного с площадным (в одном флаконе – пошлость, пафос, кич и стеб), вполне приличного с пощечиной общественному вкусу и, наконец, прекрасного с безобразным – как в древнейшем архетипе «Beauty & The Beast». Для иллюстрации: *‘Тиха украинская ночь, но сало треба перепрятати’*; *‘Кушечка тонка, но танки наши быстры’*.

Тексты МА, как видим, созданы искусно (и искусственно) из расчлененных (обычно надвое) и до оскомины растиражированных ПС, ПГ, (А), песенных отрывков, лозунгов, цитат *etc.* С помощью нехитрой операции разрезки и сшивания («косметической подтяжки») они на некоторый эфемерный срок способны возратить себе утраченные живость и краски. Обратимся к примерам: а) контаминация ПС + ПГ (*‘Не плюй в колодець: вылетит – не поймаєшь’*. Ср. с МП: *‘Не ссы в компот: там повар ноги моет’*); б) паремия + авторский комментарий (*‘Возлюби ближнего своего (как самого себя). Не можешь любить – сиди и дружи!’* (Библия + М. Жванецкий)); в) контаминация цитат (*‘Как бы мне, рябине, к дубу перебраться? Златая цепь на дубе том’* (нар. песня + А. Пушкин = В. Колечицкий).

3. Миксы-парафразы

Сделай доброе дело, и оно тебя достанет!

Если в стародавние времена христианство еще пребывало в ладу, в гармонии с языческой мифологией (яркий пример – «Слово о полку Игореве»), то в нынешнем веке подобный союз и даже соседство попросту смешны, воспринимаясь как абсурд и мезальянс (подобно браку великанши с лилипутом), став трофеями сферы комического (*‘Реплика в бане: – Добрыня Израилевич, вы либо крестик снимите, либо трусы наденьте!’*).

Именно этот архетипически универсальный принцип – соединение несоединимого, несоответствие (несостыковка) ожидаемого с полученным результатом («эффект обманутого ожидания»), а также так наз. пуант – «выстрел в финале» – оказались наиболее близки поэтическому слову (метафора, оксюморон): «Высшая цель поэзии заключается в сведении воедино 2-х предельно далеких друг от друга предметов» (А. Бергсон). К примеру: *‘Взвейтесь, соколы, ужами!’* или *‘Над седым равнином Борей гордо реет Голда Меир’*. МП, таким образом, – смешанный вид современных паремий, своеобразный «буфер» для промежуточных и потенциально фольклорных форм. В качестве иллюстрации (от притчи до «черного юмора»): *‘Сколько ни корми корову шоколадом «Dove», все равно не выдоишь из нее какао’*; *‘Сколько волку палец в рот ни клади, он все равно его откусит’*.

4. Миксы сказочные

*Сошлись как-то Илья Муромец и Соловей-Разбойник.
Но церковь не одобрила их брак*

Разновидностью МА и МП являются тексты, пародирующие (в т. ч. паразитирующие и эпатирующие) фразы-выдержки из популярных сказок (изредка – былин), как народных, так и литературных (в частности, поэтических сказок А.С. Пушкина). Евг. Обухову, сочиняющему в этом ключе (и пришедшему на смену известному *людоведу* и *душелюбу* Евг. Сазонову), принадлежит, на наш взгляд, удачный, хотя и ненаучный термин, метко характеризующий МС, – «с к а з я в к и». Остроумной (либо с претензией на остроумие) переделке подвергаются большей частью начальные формулы сказки (изредка – медиальные и финальные): *‘Скакал Иван Царевич 3 дня и 3 ночи, скакал... пока скакалку не отобрали’*; *‘Натянул Иван Царевич лук – и пошел на карнавал в костюме Чиполлино’*; *‘Поднял Иван Царевич чудо-меч... и заработал чудо-грыжу’*; *‘Поймал мужик золотую рыбку, а она ему говорит: «Отпусти меня, а то я тебе 3 желания испорчу!»*; *‘Закинул старик носки в море – потемнело синее море... И взмолилась золотая рыбка...’* и т. д. и т. п. со множеством версий.

² Когда древние римляне, отлавливавшие в Африке диких животных для кровавых представлений в *Coliseum'e*, впервые наткнулись на экзотического жирафа, они в попытках дали ему имя на основе уже 2-х известных им существ: верблюда и леопарда – *camilopardalis* (по-др.-русски – *вельблюдонардус*). Существует, впрочем, и словесный бестиарий, напр.: оксюморонный *стрекозел*.

5. Спунеризмы

*За что же, не боясь греха, Петушка хвалит Кукуха?
За то, что хвалит он Петушку*

Многие паремии из серии «нарочно не придумаешь» (ННП) и «не вырубешь топором» (НВТ) рождаются в речи благодаря так наз. *lapsus linguae* – различным оговоркам, обмолвкам и сбоям в произношении (так наз. *ашипкам* и *очепяткам*) из-за внезапного разлада между мыслью и речью, когда, выражаясь по-спунерски, *заплетык языкается* (по ряду причин: аффект, подпитие³, усталость, стресс, депрессия и проч.). Так, знаменитому герою Отечественной войны 1812 г. атаману Платову приписывают фразу, произнесенную им в большом волнении, когда вдруг выяснилось, что на параде в честь победы над Наполеоном его казаки должны проехать по Парижу на лошадях с обрезанными хвостами (дань французской моде): «Ежели кобыле хвост отрезать, чем она от мах отмухиваться будет?». Среди спунеризмов (*S*) попадаются шедевры (*‘Императрица Екатерина заключила переговоры с мирками’*, а также *‘Посетителей не будят’* – переделка из высказывания самой *Екатерицы* по поводу победы молодого А. Суворова). (*S*) могут возникнуть в результате слабого владения не только родным, но и чужеземным языком: «Марагобуматели, – сказала Бригитта. – Твой неприятель говорит понятно» (Энт. Берджес. «Трепет намерения»). Возможно, г-н Спунер и не говорил всех тех вещей, к-рые ему инкриминируют (*‘sin twister’* вместо *‘twin sister’*), но некоторые *дюдю* лумают, что говорил.

6. X-поговорки

*Учение без рассуждения бесполезно,
рассуждение без учения опасно*
Кун-цзы

ПГ-хиазмы (или икс-ПГ), построенные по типу перевернутого параллелизма, когда 2-я половина фразы построена в обратном порядке членов (т.е. с крестообразным расположением элементов 2-х словосочетаний), до недавнего времени встречались нечасто – в отгадках загадок «армянского радио»: *‘Чем отличается пессимист от оптимиста? (Пессимист говорит, что коньяк пахнет клопами, а оптимист, что клопы – коньяком)’*; или *‘Чем отличается пиво от лекарства? (Тем, что лекарство сначала выписывают, а потом пьют, а пиво – наоборот – сперва пьют, потом выписывают)’*. Сегодня хиазм – вездесущий принцип, встречаемый и в тостах (*‘За чувство истины и истинные чувства!’*), в МА (*‘Ямщик, не гони!.. Ты гонишь, ямщик!’*), в квази- (*‘Коротко о главном: «У главного короткий»’*) и бивелеризмах (*‘Сталкиваются 2-е: – Смотри, куда идешь! – Иди, куда смотришь!’*), в грегериях и афоризмах (*‘Народный юмор – это пошлость, доведенная до искусства. А эстрадный юмор – это искусство, доведенное до пошлости’*; *‘Дети на заднем сиденье автомобиля являются источником инцидентов. Инциденты на заднем сиденье автомобиля являются источником детей’*), в ПС-сравнениях (*‘Художественный перевод – как жена: если красив, то неверен, если верен, то некрасив’*), в палиндромах (*‘Баб у воров – как воров у баб’*) и в др. фольклорных видах и жанрах (см. эпиграф к п.1). По сути в связи с ХПГ мы имеем дело с так наз. *рекомбинацией*, представляющей собой универсальный биологический механизм перераспределения родительских генов в потомстве. Смысловый диапазон ХПГ довольно обширен – от притчи, аллегории и заповеди (*‘Одни едят, чтобы жить, другие живут, чтобы есть’*; *‘На Западе сделал дело – получи деньги, в России сделал деньги – получи дело’*, в т.ч. даоских изречений: *‘Верные слова неизяцны, изяцные слова неверны’*; *‘Кто знает – не говорит, кто говорит – не знает’*; *‘О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем притаилось несчастье’*) до шутки, каламбура и прикола (*‘Лучше собака – друг, чем друг – собака’*; *‘Всегда лучше жена друга, чем друг жены’*; *‘Лучше трусы в горошек, чем горошек в трусах’*; *‘Финская водка в теплой компании лучше теплой водки в финской компании’*; *‘Это не синички нахохлились, это хохлы насинячилились’*; *‘Сели за стол добры молодцы и красны девицы, а вышли из-за стола красны молодцы и добры девицы’*; *‘Кого знаю – не хочу, а кого хочу – не знаю’*; *‘Если мужчине плохо – он ищет жену, если мужчине хорошо – жена ищет его’*; *‘Шути любя, но не люби шутя’*; *‘Солнце светит, но не греет, отпуск греет, но не светит’*; *‘Чемодан в зубы, зубы в чемодан – и в Париж!’*).

³ В давнем, дореволюционном еще анекдоте некто подшофе вытряхивается из шинка (трактира, ресторана) и зычным голосом орет: – *Извоицк! На Плоицкую троцадь!* – *На Плоицкую троцадь, барин, корок сопеек.* – *Ка-а-ак?! Корок сопеек – на Плоицкую троцадь?! – Да. А дули ты хумал?..*

* * *

Разумеется, объять необъятное разом нельзя, особенно когда идешь по непроторенной дороге. В современном бытовании встречаются целые группы *неоприходованных* паремий, к-рым еще предстоит подобрать подходящее имя, будь то термин или «кличка». За бортом в океане народной словесности плавают масса непойманных перлов – формул и присловий, речевых стереотипов и клише из арсенала нечленимых фраз, часть из которых близка поговорке: ПГ-выражения, «молвушки», народные афоризмы (НА), так наз. городской дистих (ГД), или «дистрофик». Ждать погоды у *этого* моря – только время терять. Поэтому *в данных условиях* все средства хороши – и *спиннинг*, и *трал*, и заштопанный *невод*. Когда мостят дорогу или возводят дом, камни укладывают один за другим. Так и в культуре – науке, искусстве, педагогике – важны преемственность, последовательность и накопленный багаж. «Во всем большом есть постепенность, а не внезапность и мгновенность» (И.В.Гете. «Фауст»).

Литература:

1. Вальтер Х., Мокиенко В.М. - Антипословицы русского народа. СПб., 2006.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. - М., 1957 (1862).
3. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. - М., 1996.
4. Русопят (В.И.Даль). Русские заветные пословицы и поговорки. - Б/м, б/г (шифр: Ф.Р1, оп.1, № 112).
5. Рыбникова М.А. Русская поговорка / Избранные труды. - М., 1985. С. 213-224.
6. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. - М., 1961.
7. Чернелев В.Д. Миксантропизм и веселящийся «appendix» (J.A.) // Analele științifice ale USM. Seria «Științe filologice». - Chișinău, 1998. С. 67-71.
8. Чернелев В.Д. Паремия как объект сравнительного исследования // Филологические науки, 5. 1990. С.21-29.
9. Чернелев В.Д. Поговорки (Лекция X) / Структура русского фольклора. - Кишинев, 2001 (1996). С.46-49; 85-93; 125-126.
10. Чернелев В.Д. Поговорка как отражение этико-эстетических норм быта и языка // Тезисы докладов и сообщений респ. науч. конф. - Свердловск (Екатеринбург), 1991. С. 66-67.
11. Чернелев В.Д. Пословица и поговорка в свете компаративистики // Пути анализа художественного текста. - Кишинев, 1997. С. 118-132.
12. Чернелев В.Д. Проблема дифференциации современных поговорок // Материалы научно-теоретической конференции «Славянские чтения – IV». - Кишинев, 2006.
13. Чернелев В.Д. Русские паремии в сравнительном аспекте. - М., 1991. С. 54-118.
14. Чернелев В.Д. Русские паремии – 7777: Сборник старинных и новых пословиц, поговорок, загадок, велеризмов и проч. - Кишинев, 1998. С. 105-221; 286-287.
15. Чернелев В.Д. Сравнительная паремиология: История. Теория. Практика. - Кишинев, 1999.
16. Litovkina Anna T. & Mieder Wolfgang. Old Proverbs Never Die, They Just Diversify: A Collection of Anti-Proverbs. - Burlington, 2006.
17. Mieder Wolfgang & Litivkina Anna T. Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs. - Burlington, 1999.

Prezentat la 02.05.2007